

Чжоу Юэхэна легко могла утомить излишняя навязчивость, поэтому Ци Фан писал ему нечасто. Когда тот погружался в работу, то мог сутками не заглядывать в сообщения, но, освободившись, отвечать не забывал — пусть даже коротким, сухим «Хорошо».

С соседями по комнате Ци Фан держался особняком: не навязывался, но и не отстранялся нарочно. Если заводили разговор — отвечал, хоть и предпочитал по большей части отмалчиваться.

Со временем парни привыкли к его замкнутости, перестали лезть не в своё дело и начали воспринимать его как пустое место.

Поэтому, когда до отбоя он так и не вернулся в общежитие, никто даже внимания не обратил.

А Ци Фана между тем вызвали на встречу. Назначил её Ци Цзэчэн.

Смириться с тем, что его обвёл вокруг пальца какой-то ничтожный заморыш, которого он раньше и за человека не считал, Ци Цзэчэн никак не мог. Пусть сделка и принесла обоюдную выгоду «Циюэ» и семье Ци, «предательства» со стороны Ци Фана это не отменяло и прощению не подлежало.

После вмешательства Чжоу Юэхэна в дела «Хуэйцзина» встречу пришлось перенести в другой бар. И хотя Ци Линьчжи строго-настрого запретил сыну цепляться к Ци Фану, для Ци Цзэчэна тот оставался всё той же мелкой, смердящей сошкой. Подумаешь, подобрался к Чжоу Юэхэну! Что с того? Он был свято уверен: для такого гиганта Ци Фан — не более чем временная забава.

В VIP-кабинке было не протолкнуться: полумрак, густой гул пьяных голосов и взрывы хохота. Но стоило двери распахнуться, как шум мгновенно утих. Заткнулся даже тот, кто вопил в микрофон, и в комнате остался лишь глухой, едва различимый фоновый мотив.

— О, явился? — Ци Цзэчэн слизал клубнику с пальцев сидящей рядом девицы и, откинувшись на спинку дивана, высокомерно смерил вошедшего взглядом.

Ци Фан замер у порога, молча выдерживая этот прицельный взор.

Лениво покачивая бокал с вином, Ци Цзэчэн кивнул лишним: «Брысь отсюда». Парни и девицы вереницей потянулись к выходу, и вскоре комната опустела. Остались только проверенные шестёрки — их лица Ци Фан помнил отлично.

— Нашёл, значит, покровителя? — Ци Цзэчэн опасно прищурился. — Уже и поздороваться гнушаешься?

Ци Фан равнодушно окинул взглядом присутствующих и зацепился взглядом за Толстяка, чья физиономия всё ещё пестрела недолеченными ссадинами.

Когда их взгляды пересеклись, на роже Толстяка вспыхнула лютая ярость. Похоже, у него появилось вполне конкретное подозрение, кто именно подкараулил его тогда в туалете.

Ци Фан на эту затаённую злобу даже внимания не обратил. Неторопливо подойдя к Ци Цзэчэну, он чуть опустил глаза и произнёс:

— Господин Ци, я пришёл забрать своё.

— Твоё? — Ци Цзэчэн недоумённо похлопал ресницами. — Это о чём же ты?

Ци Фан смотрел на него без тени эмоций, игнорируя глумление:

— Господин Ци, я хочу вернуть кольцо моей матери.

Ци Цзэчэн прекрасно понимал, что просто так Ци Фан к нему на ковёр не явится, а потому закинул наживку — наврал в сообщении, будто отдаст печатку на мизинец. Это была единственная вещь, оставшаяся у Ци Фана от Линь Вань. Когда-то Ци Цзэчэн отобрал её, и с тех пор кольцо пропало бесследно.

— А-а, ты про эту проклятую дрянь, — изобразил озарение Ци Цзэчэн. Он небрежно ткнул пальцем в бокал с вином, стоявший посреди стола. — Вон она, отмокает. Вещь-то покойницкая, надо бы дезинфекцию провести, чтоб не сглазить.

Дыхание Ци Фана на миг сперло. Он въелся взглядом в сияющую рожу Ци Цзэчэна; на его шее натянулись жилы, словно тугая тетива. Не проронив ни слова, он подошёл к столу и нагнулся за бокалом. В густой алой жидкости мельком проглядывал тёмный силуэт, напоминающий кольцо. Ци Фан опустил пальцы в вино, чувствуя хмельную влагу, как вдруг сокрушительный удар выбил бокал из его рук. Хрусталь крутанулся в воздухе и грохнулся о пол, разлетаясь со звоном. Тёмно-красная лужа расплзлась по ковру, и в тусклом свете разглядеть кольцо стало невозможно.

Первым порывом Ци Фана было наклониться и нащупать вещь, но Толстяк, горевший жаждой мести за засаду в туалете, обрушил тяжеленный пудовый кулак прямо ему в челюсть. Вскипающая ярость туманила разум, но Ци Фан лишь стиснул зубы и выдержал удар.

Скула вспыхнула дикой болью. Наплевав на всё, Ци Фан толкнул стол, пытаясь разглядеть среди осколков материнское кольцо. Он ступал прямо по битому стеклу, вглядываясь в темнеющий пол, когда над ухом раздался глумливый хохот Ци Цзэчэна:

— Дурак, ты чего там ищешь? Я ту дрянь давно в озеро сбросил — рыбок покормить.

Ци Фан замёрз. Поведя взглядом, он заметил в углу кольцо.

Оно было дешёвой золотистой заложкой, отвратительно бликовавшей в полумраке.

— Впредь умнее будешь, ублюдок, — с откровенной желчью выплюнул Ци Цзэчэн.

Кулаки Ци Фана сжались до хруста. Он медленно повернулся и вперил тяжелый, налитый тьмой взгляд в Ци Цзэчэна.

Почувствовав вкус крови, Толстяк снова замахнулся и ринулся в атаку. Но на этот раз Ци Фан легко уклонился, перехватил его запястье и заломил руку за спину. Не успел тот сообразить, что произошло, как из его глотки вырвался дикий вопль:

— А-а-а-а!

Сустав хрустнул, и Толстяк рухнул на колени, взыв от боли.

Усмешка на лице Ци Цзэчэна мгновенно сползла. В следующую секунду Ци Фан разъярённым зверем перемахнул через стол, сжимая в руке тяжёлую бутылку. Прежде чем кто-либо успел опомниться, стекло со свистом обрушилось прямо на голову Ци Цзэчэна.

Бутылка разлетелась вдребезги. Остатки глумливого веселья с лица мажора как рукой сняло. Сворачиваясь в калачик и стеная, он схватился за пробитую голову; между его пальцев густо потекла алая кровь, капая на дорогую рубашку. Сидевшие в кабинке завопили и кинулись на выручку своему покровителю.

Кто-то в суматохе разбил ещё одну бутылку. Звон стекла и яростные вопли слились в единый гвалт. На Ци Фана навалились со всех сторон, скручивая и сбивая с ног так, что невозможно было толком замахнуться. Один вцепился в запястье, другой мёртвой хваткой обхватил за талию. Ци Фан рвался из последних сил, сбрасывая с себя нападавших, но его снова прижимали к полу. Тюкающая боль во всём теле остудила первобытный гнев, и к нему постепенно вернулся разум. Ци Цзэчэна, зажимавшего окровавленное лицо, под руки вывели из кабинки. Ци Фан уже не считал, сколько ударов раздал и сколько принял сам. Потасовка подняла такой шум, что в помещение вломилась охрана и администрация бара — им потребовалось немало времени, чтобы растащить озверевшую толпу.

Ругань не утихала, управляющий пытался утихомирить гостей елейными уговорами, но тут подоспела полиция.

Кто-то из соседнего зала вызвал наряд. На улице как раз дежурил патруль, так что стражи порядка прибыли за считанные минуты. Авторитет администратора перед полицией мгновенно померк, и в разгромленной кабинке наконец воцарилась тишина.

Участников драки развели по разным углам. Наряд приступил к опросу, и только тогда зеваки заметили, что Ци Фан стоит один-одинёшенек против целой компании.

Ци Фан ушёл в себя, абстрагировавшись от суеты. Не желая верить в худшее, он всё же поднял с пола кольцо. На поверку оно оказалось дешёвой безделушкой из уличного лотка, лишь покрашенной под золото, а мелкая гравировка смотрелась как молчаливое глумление.

Ци Цзэчэну незачем было врать. Настоящее серебряное кольцо матери действительно сгнуло на дне озера.

Столько лет прошло... Его уже никогда не вернуть.

— Эй, на, вытри! Совсем оглушили? Ничего не болит? — Перед ним возникли две бумажные салфетки.

Ци Фан поднял глаза: перед ним стоял пожилой полицейский. Замешкавшись, парень не стал брать салфетки.

— Спасибо, не надо, — сухо буркнул он.

— Как это «не надо»? У тебя же вся физиономия в кровище!

Ци Фан провел пальцами по щеке — на подушечках остался липкий алый след. Пелена тумана спала с разума, и он наконец ощутил, что ранен.

Боль возвращалась волнами. Всю компанию упекли в отделение. Ци Цзэчэна среди них не было: он сбежал из бара ещё до приезда наряда и сейчас, скорее всего, отлёживался в больнице.

Избалованные мажоры устроили в участке настоящий балаган: орали, требовали телефон, качали права и грозились натравить своих адвокатов. На их фоне молча сидевший напротив Ци Фан выглядел оплотом спокойствия.

— Заткнулись всем скопом! — Полицейский с грохотом обрушил ладонь на стол. — Вы мне тут что, базар устроили?!

Компания притихла, хотя на их побитых рожах всё ещё читалось спесивое возмущение, смотревшееся в сочетании с фингалами комично и жалко.

Осадив крикунов, офицер повернулся к Ци Фану:

— А ты, парень, боец, я смотрю. Один против пятерых выстоял?

Ци Фан промолчал.

— Студент ещё? Звони родителям.

В глубине равнодушных глаз Ци Фана впервые мелькнула тень эмоций. Он поднял взгляд:

— Некому.

— Звони родственникам или друзьям, — не стал спорить полицейский, привыкший к капризам трудных подростков. Ему еще предстояло изучить записи с камер и оформить протоколы, так что вести долгие беседы было некогда.

Ци Фан сжал в руке телефон. В стеклянной двери напротив отражался его смутный силуэт — запятнанное кровью лицо и ссадины.

Помявшись пару секунд, он набрал номер Чжоу Юэхэна.

Гудки длились секунд пять, после чего вызов приняли. Сердце Ци Фана ёкнуло от лихорадочного волнения, но стоило услышать голос, как он тут же взял себя в руки.

Ответил не Чжоу Юэхэн, а Ван Дун.

— Алло?

Раз телефон был у Ван Дуна, значит, они находились вместе и Чжоу Юэхэн был занят работой.

— Брат Дун, — отозвался Ци Фан.

— Ты к боссу? Сейчас передам трубку.

— Не надо!.. Брат Дун, я в полицейском участке.

В его голосе сквозила нервозность, хотя лицо оставалось совершенно невозмутимым. Ци Фан прекрасно понимал: Ван Дун ничего не станет скрывать от босса, и эта его невольная дрожь в голосе тоже будет передана по адресу.

— В участке? — Ван Дун на мгновение опешил. — Скидывай адрес.

Ожидание выматывало. К нему подошла дежурная сотрудница, предлагая обработать раны, но он снова отказался. Несмотря на ночную прохладу, его рукава были слегка закатаны, обнажая запястья, испещрённые порезами от разбитого стекла.

Чем глубже становилась ночь, тем сильнее одолевала дремота. Буйная компания окончательно выдохлась и затихла. Ци Фан отошёл в туалет. Вглядевшись в зеркало в своё избитое лицо, он вдруг поднял руку и надавил на щеку — под пальцами запекшаяся рана снова разошлась, пустив свежую струйку. Он молча наблюдал за тем, как кровь метит кожу, и слизнул капли с сухих губ.

Собираясь выходить, он заметил странный отблеск на циферблате наручных часов. Вскинув руку, Ци Фан обомлел: по стеклу пролежала глубокая трещина.

Он стиснул челюсти так, что на скулах заходили желваки. Поглаживая пальцем шершавый скот, он долго пытался вернуть самообладание, после чего толкнул дверь и вернулся на своё место.

Пятеро нападавших твердили в один голос, будто Ци Фан набросился на них первым. Впрочем, любому со стороны было ясно, что имела место банальная драка. Кто-то из них уже вызвал адвоката, и тот, манерно растягивая слова, из кожи вон лез, намереваясь упрятать Ци Фана за решётку. Но в массовой потасовке виноваты были обе стороны, да и расклад «один против пятерых» явно играл в пользу Ци Фана. Камеры в ВИП-кабинке по указке Ци Цзэчэна отключили заранее, так что прямых улик не было, а на одних голословных обвинениях далеко не уедешь.

Нанятый юрист рассчитывал запугать парня и заставить того взять всю вину на себя. Он сорвался на крик и чуть ли не тыкал пальцем Ци Фану в нос.

Именно эту картину и застал прибывший Ван Дун: Ци Фан, зажатый в кольцо врагов, молча сносил нападки.

Едва слышный шорох колёс инвалидного кресла по неровному полу заставил Ци Фана вскинуть голову. Его взгляд моментально встретился со взглядом Чжоу Юэхэна.

Адвокат продолжал рассыпаться в угрозах, не замечая вошедших, как вдруг осёкся: выражение лица Ци Фана изменилось.

Раздражающая, холодная безучастность сменилась изумлением. Его глаза чуть расширились, а уголки мгновенно налились краснотой. В следующее мгновение юрист разглядел в его глазах блеснувшие слёзы, но парень тут же отвернулся и смахнул их тыльной стороной ладони.